

Нюен – центр транзитной торговли в устье Невы (1632–1703)

Энн Кюнг

Герб Нюена, 1642 г.

В ходе военных операций Северной войны русские войска вошли в 1702–1703 гг. в Ингерманландию. Шведы потеряли две важные крепости на Невском водном пути, соединяющем Ладожское озеро и Финский залив. В октябре 1702 г. русские захватили Нетеборг в верховьях Невы. 1 мая 1703 г. в устье Невы на берегу Охты пала крепость Нюенсканс (швед. *Skansen vid Nyenfloden*, фин. *Nevanlinna*, нем. *Newaschanze*, голланд. *Skanz ter Nyen*, рус. *Нюешанц*, *Канец*) вместе с городом Нюен (*Huen*). После захвата последнего, 16 (27) мая 1703 г., царь Петр Великий решил построить на берегу Невы крепость Петра и Павла, а через некоторое время и город у ее стен – Санкт-Петербург.¹ Тем самым Петр обеспечил России выход в Балтику или, образно говоря, «прорубил окно в Европу». Строительство Петербурга стало важным историческим событием не только для России, но, шире, для всех стран Балтийского моря и для Нидерландов и Англии – первых морских держав того времени.

Цель нижеследующей статьи – на фоне празднования 300-летия Петербурга бросить взгляд на историю Нюена – предшественника столицы Российской империи. Объем статьи не позволяет рассмотреть все аспекты

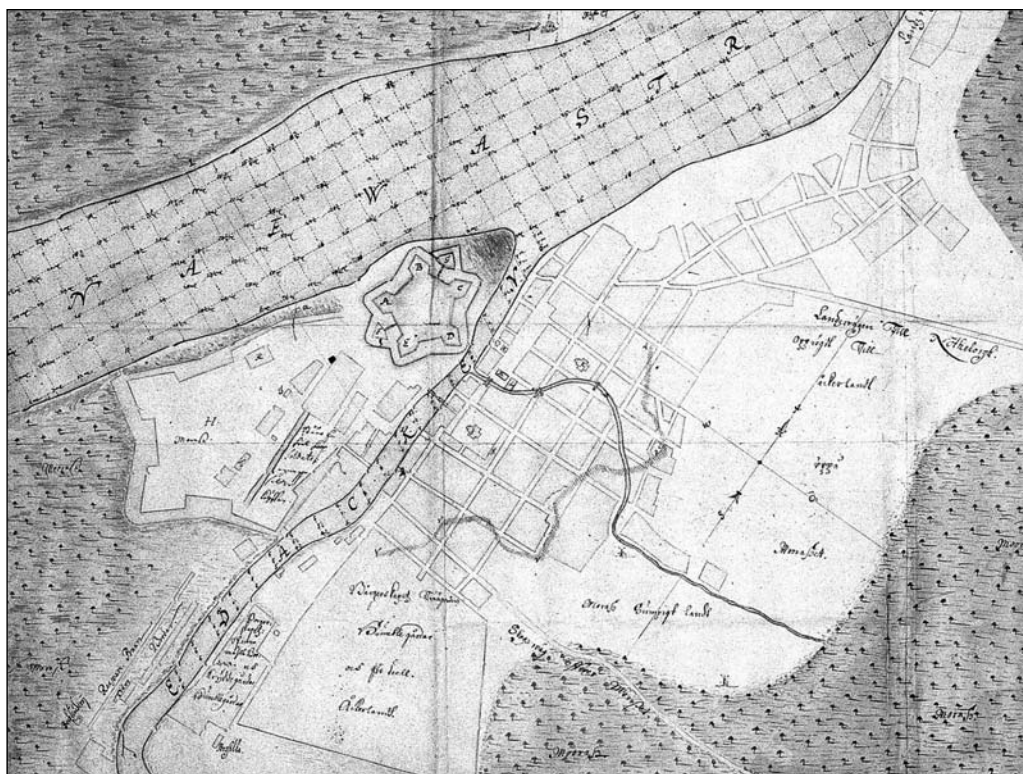
истории этого города, поэтому ограничимся прежде всего историей создания города, получением привилегий, хозяйственно-политической ролью Нюена в глазах властей Швеции и его местом в транзитной торговле между Россией, Швецией и Западной Европой.

Исследования истории Нюена

Можно утверждать, что историография политических и экономических отношений России и Швеции в XVI–XVII вв., вызывает почтение. Именно в этом контексте рассматривалась и роль Нюена. Следует, однако, признать, что целостного обобщенного анализа истории Нюена в прошлом веке практически не издавалось. Город Нюен не был актуальной темой для советских историков, поскольку никак не вписывался в легенду о созданной Петром Великим среди болот столице Петербурге. Зато во всех работах о Северной войне и в биографиях Петра упоминался тот факт, что в начале мая 1703 г. русские войска захватили шведскую крепость Нюенсканс в устье Невы.² О том, какая была эта крепость, не распространялись.

¹ Георгий Приамурский. Санкт-Петербург в судьбе Ниешанца. – Шведы на берегах Невы. Сборник статей. Стокгольм, 1998, с. 44.

² Укажем в качестве примера на издание Академии Наук СССР: Буганов В. И. Петр Великий и его время. Москва, 1989, с. 79; Ср. : Telpuhhovski B. C. Põhjasõda 1700–1721. Peeter I väejuhitegevus. Tartu, 1949, lk. 67; Heldur Palli. Kui Raudpea läks. Pildikesi Põhjasõja ajaloost. Tallinn, 1967, lk. 98.

Нюен на карте 1698 г. Из книги: Vattenstäder: Sankt Petersburg – Stockholm. Stockholm, 1998.

Однако в дореволюционной России в 1909 г. в переводе Александра Лаппо-Данилевского было опубликовано исследование Антти Юхана Хиппинга (Гиппинга) 1836 г. об историческом значении реки Невы. Вторая часть переводной книги, напрямую посвященная истории города Нюена, была издана на основании рукописи А. Ю. Хиппинга.³ Кроме того, А. Лаппо-Данилевский в 1913 г. редактировал изданный А. Ю. Хиппингом и А. А. Куником каталог карт и планов окрестностей Невы и Нюена XVII века.⁴ Трудно сказать, почему описательная работа А. Ю. Хиппинга была переведена на русский язык. В 1891 г.

было издано исследование Карла Габриэля фон Бонсдорффа, посвященное городу Нюену и крепости⁵, в котором автор опирался на материалы архивов Швеции и Финляндии, чем заслужил высокую оценку современника-рецензента Георга Ф. Форстена.⁶ В приложении к книге фон Бонсдорфф опубликовал важнейшие документы по истории Нюена. В 1916 г. в Петрограде были изданы собранные А. Ю. Хиппингом архивные материалы по истории города Нюена и крепости.⁷ По сути, после А. Ю. Хиппинга и К. Г. фон Бонсдорффа изучением истории Нюена никто не занимался. Все более поздние ис-

³ A. J. Nipping. Neva och Nyenskanc. Helsingfors 1836; A. I. Gipping. Neva i Nienšanc, 1–2, SPb., 1909. В связи с юбилеем Петербурга исследование А. И. Гиппинга было опубликовано повторно: А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанц. СПб., 2003.

⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб., 1913.

⁵ C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans: historisk skildring (Säutr. ur. Acta Societatis scientiarum FE.icae, XVIII). Helsingfors 1891.

⁶ Г. Ф. Форстен. Критика и библиография [С. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans]. – Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие, часть CCLXXXI, 1892 май, СПб., 1892, с. 172–181.

⁷ А. И. Гиппинг. Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца. Пг., 1916.

следования во многом основывались именно на их позициях, например, обзор истории крепости Нюенсканс и города, сделанный в 1938 г. Д. Блеесом.⁸

В то же время Нюен упоминается во всех работах об истории Ингерманландии в XVII веке. Назовем, например, работы Карла Эландера, Йохана Акс. Алмквиста,¹⁰ Алвина Исберга¹¹ и Къёсти Вяяннена¹². Торговая деятельность Нюена затрагивалась также в исследованиях, посвященных экономическим отношениям Швеции и России в XVII веке.¹³ Можно выделить опубликованную в 1976 г. статью советского историка Э. Д. Рухмановой о русско-шведском торговом пути по Неве и Нюене.¹⁴ И. П. Шаскольский в своих работах рассматривал торговые отношения северо-западных российских городов, особенно Тихвина, со Швецией через Нюен. Как и К. Г. фон Бонсдорфф, И. П. Шаскольский использовал для характеристики торгового оборота города хранящиеся в Финском национальном архиве таможенные книги Нюена за 1687–1696 г.¹⁵

После развала Советского Союза и снятия табу с исторических тем, а также в

связи с 300-летием Петербурга в Швеции, в России и в других странах вновь на повестку дня вышли исследования допетербургской истории района реки Невы. В 1995 г. в Финляндии вышла книга Сауло Кепса об истории земель в устье Невы до основания Петербурга.¹⁶ Через три года, в 1998 г., в Стокгольме на русском языке был издан совместный сборник статей шведских и российских историков «Шведы на берегах Невы».¹⁷ Многие статьи этого сборника напрямую касаются истории Нюена. В 1998 г. в Стокгольме прошла основанная на российских и шведских архивных материалах выставка «Петербург и Стокгольм». В рамках выставки был издан объемный каталог, две вводные статьи которого дают краткий обзор истории Нюена.¹⁸ Один из авторов каталога, Бенгт Янгфельдт, посвятил и отдельную книгу петербургским шведам, также начав с истории Нюена.¹⁹ Интересное исследование об археологических исследованиях устья Невы и Нюена опубликовал в 2001 г. в Петербурге П.Е. Сорокин.²⁰ В 2003 г. и в Эстонии были опубликованы две большие статьи об истории Нюена.²¹

⁸ J. Bleec. Fästningen Nyenskans och Nyen. – Norrlands Försvar.

⁹ C. Öhlander. Bidrag till kännedom om Ingermanlands historia och förvaltning, Bd. 1 (1617–1645), Uppsala, 1898; C. Öhlander. Om den svenska kyrkoreformationen uti Ingermanland. Ett bidrad till svenska kyrkans historia åren 1617–1704. Uppsala, 1900.

¹⁰ J. A. Almquist. Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630. Andra delen. Stockholm, 1922. Отдельная глава: Ingermanland, s. 657–688.

¹¹ A. Isberg. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617–1704, Uppsala 1973.

¹² K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland. I. Lutherska stiftsstyrelsen, församlingarnas prästerskap och skollärare i Ingermanland under svenska tiden, Helsingfors 1987.

¹³ См. например: А. Соом. Die Politik Schwedens bezüglich des Russischen Transithandels über die estnischen Städte in den Jahren 1636–1656. (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. XXXII), Tartu, 1940; H. Piirimäe. Kaubanduse küsimused Vene-Rootsi suhetes 1661–1700. a.; S. Troebst. Handelskontrolle – „Derivation« – Eindämmung; E. Küng. Rootsi majanduspoliitika Narva kaubanduse küsimuses 17. sajandi teisel poolel. Tartu, 2001.

¹⁴ Э. Д. Рухманова. Русско-шведская торговля по Невскому пути и город Канцы. – Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1976, с. 140–163.

¹⁵ И. П. Шаскольский. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994.

¹⁶ S. Kepsu. Pietari E.en Pietaria : Nevansuun vaiheita E.en Pietarin kaupungin perustamista. Helsinki, 1995.

¹⁷ Шведы на берегах Невы. Сборник статей. Состав. А. Кабак и др. Stockholm, 1998.

¹⁸ B. Jangfeldt. Hur Nyen blev Sankt Petersburg. – Vattenstäder: Sankt Petersburg – Stockholm. Stockholm, 1998, с. 15–24; S. V. Sementsov. Spåren av Nyen i dagens Sankt Petersburg. там же, с. 25–48.

¹⁹ B. Jangfeldt. Svenska vägar till Sankt Petersburg : kapitel ur historien om svenskarnas Nevans stränder. Stockholm 1998. Книга издавалась четырежды. Книга издавалась четырежды, см. на рус. яз.: Б. Янгфельдт. Шведские пути в Санкт-Петербург: главы из истории о шведах на берегах Невы. Stockholm, 2003.

²⁰ П. Е. Сорокин. Ландскрона, Невское устье, Нюеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб., 2001.

²¹ E. Küng. Nyen (Nevanlinna) transiitkaubanduse keskusena Neeva jõe suudmealal 1632–1703. – Tuna, 2003 nr. 2, lk. 8–26; P. Lotman. Unustatud uus linn. – Tuna 2003, nr. 3, lk. 25–34.

Значение Балтийского пути для внешней торговли России

Выход Петра Великого к Балтийскому морю и создание нового города в устье Невы стали результатом многих предшествовавших исторических процессов. Еще во времена викингов Нева была существенной частью «пути из варяг в греки». В середине XI века отношения шведов с русскими прервались, чтобы столетие спустя возобновиться в связи с миссионерской деятельностью последних в Южной Финляндии. В 1240 г. шведы попытались установить контроль над устьем Невы, но были разбиты новгородским князем Александром (Невским). В 1293 г. шведы построили Вийбури (Выборг), который стал не только центром политико-экономического противостояния Новгороду (читай – России), но и торговым конкурентом Таллинну и Нарве. Швеция пыталась направить новгородскую торговлю через Выборг. Попытка шведов построить в устье Невы в 1300 г. крепость Ландскрона также провалилась: год спустя новгородцы разрушили построенное.²² При этом с XII до середины XVI века большая часть внешней торговли России на Балтике шла через купцов Ливонии и Ганзы. В последней четверти XV века началась экспансия Москвы на северо-запад России и в сторону Балтийского моря. В 1478 г. Новгород вошел в состав российского государства. В 1492 г. в непосредственной близости от Финского залива был построен Ивангород, ставший первым российскимграничным портом, который позволил завязывать прямые контакты с за-

падноевропейцами. Следующим шагом российской стороны стало закрытие в 1494 г. ганзейской конторы в Новгороде.²³

Вопрос о невском водном пути вновь оказался центральным в международной торговой политике в конце XVI века. Во время русско-ливонской войны русские захватили в 1558 г. Нарву, которая в следующем году была объявлена вольным складским городом. В Нарву за российскими товарами прибывали купцы из Любека, Англии, Шотландии, Франции и Голландии. Западная Европа была заинтересована в том, чтобы прийти по морю в Нарву и там торговать с русскими напрямую – минуя посредничество городов Ливонии. Свободный доступ к русскому рынку через Балтийское море длился пару десятков лет.²⁴ 6 сентября 1581 г. Нарву захватили шведы. Той же осенью в состав Шведского королевства вошли ингерманландские крепости Ивангород, Ям и Копорье. Русские вынуждены были перенести склады во Псков, а вместо Балтики центром общения с Западной Европой с 1584 г. стал Архангельск.²⁵ Хотя в ходе войн со Швецией в конце XVI века России удалось вновь выйти к Балтийскому морю, международная торговля не обрела желанной стабильности, не говоря уже об инфраструктуре. В 1617 г. Столбовский мир отделил Россию от Финского залива примерно 20-километровой полосой суши, которую называли и «балтийским барьером». Кроме того, ст. 14 мирного договора запрещала российским купцам выезжать на запад за владения Швеции. Это условие обеспечивало шведским купцам роль посредников, от чего в первую очередь выигрывали пограничные

²² А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанц, 1–2, с. 106–107; А. Attman. Ryssland och Europa. En handelshistorisk översikt. – Meddelanden från Ekonomisk-historiska institutionen vid Göteborgs universitet. 27. Göteborg, 1973, s. 20–21.

²³ J. Kivimäe. Narva küsimus Liivi Ordu poliitikas aastail 1494–1535. – Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, 30, Ühiskonnateadused, 1981, nr. 2, lk. 29 итд.

²⁴ G. Mickwitz. Die Hansakaufleute in Wiborg 1558–1559. – Historiallinen Arkisto. XLV, Helsinki, 1939, s. 109; А. Attman. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik: 1558–1595. Lund, 1944, s. 149, 153–158; M. Köhler. Die Narvafahrt. Mittel- und westeuropäischer Rußlandhandel 1558–1581 (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa, 6), Hamburg, 2000, s. 40, 43, 69–115.

²⁵ А. Attman. Den ryska marknaden, s. 163–192, 251–323; А. Attman. Ryssland och Europa, s. 26–27; А. Attman. The Struggle for Baltic Markets. Powers in Conflict 1558–1618 (Acta Regiae Societatis Scientiarum et Litterarum Gothoburgensium. Humaniora 14), Göteborg, 1979, p. 45–63, 83–88, 114–130; История Швеции / Ответственный редактор А. С. Кан. Москва, 1974, с. 167–168.

города Таллинн, Нарва и Рига,²⁶ позже к ним присоединился и Нюен. Попытка России изменить создавшуюся ситуацию при помощи начатой в 1656 г. войны провалилась.²⁷ Заключенный в 1661 г. Кардисский (Кярдеский) мир подтвердил положения Столбовского мира. Названный вечным Кардисский мир был компромиссным решением, не удовлетворявшим ни одну из сторон, прежде всего Россию.²⁸ По-прежнему прямое общение с западноевропейскими купцами обеспечивал России Архангельск в устье Северной Двины, климатические, навигационные и экономические условия в котором были неблагоприятны. Русские купцы предпочли бы торговать с Западной Европой в контролируемых шведами городах Финского залива, однако этому препятствовал определявший внешнюю политику Посольский приказ. Исходя из географического положения, через города Эстонии и Ливонии торговлю вели северо-западные русские города и сельскохозяйственные области, а также те купцы из дальних мест, которые были заинтересованы в продуктах шведского и финского рынков.

Исходя из вышеописанного исторического опыта, когда Россия не контролировала свою внешнюю торговлю в направлении Финского залива и вынуждена была общаться с Западной Европой при посредничестве Ганзы в средние века и через подчиненные Швеции города Эстонии и Ливонии в XVII

веке, выход Петра на восточный берег Финского залива стал историческим событием и для России, и – шире – для всего прибалтийского региона. Если Швеция в XVI и XVII веках добивалась – сначала военным, потом дипломатическим путем – перенаправления торговли из Архангельска в Финский залив, то после создания нового города на месте Нюена Петр I отдал своим купцам в 1708 г. приказ торговать только в Петербурге. Переориентация и переезд российских купцов на Балтийское море произошли довольно быстро.²⁹

От купеческого поселения до прав города

Уже в 1583 г. король Иоганн I высказал идею создания в устье Невы военного опорного пункта для предотвращения возможного нападения русских на Финляндию. Велика вероятность того, что земляное укрепление и начали строить на месте будущего города Нюен.³⁰ В результате разразившейся в начале 1590 г. русско-шведской войны и заключенного в 1595 г. Тявзинского (Тяссиняского) «вечного» мира, Ингерманландия от Ивангорода до Кякисальми перешла к России.³¹ Затем в 1597 г. Швеция передала России и лен Кякисальми.³² Эти земли входили в состав России до 1609 г., когда шведская армия,

²⁶ И. П. Шаскольский. Столбовский мир 1617 года и торговые отношения России со шведским государством. Москва–Ленинград, 1964, с. 79–113; И. П. Шаскольский. Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира. – Скандинавский сборник, XI, Таллин, 1966, с. 61–79; A. Attman. The Struggle for Baltic Market. Powers in Conflict 1558–1618. Göteborg, 1979, p. 42–82, 103–113, 133–145, 185–204.

²⁷ Е. И. Кобзарева. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. Москва, 1998.

²⁸ H. Piirimäe. Kaubanduse küsimused Vene-Rootsi suhetes 1661–1700. a. – Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Vihik 113. Tartu, 1961, lk. 14–20; S. Troebst. Handelskontrolle – „Derivation« – Eindämmung: schwedische Moskaupolitik 1617–1661 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München : Reihe Forschungen zum Ostseeraum, Bd. 2) Wiesbaden, 1997, s. 480–483; E. Küng. Rootsi majanduspoliitika Narva kaubanduse küsimuses 17. sajandi teisel poolel, lk. 30–32.

²⁹ E. Küng. Rootsi unistus Venemaa turust 16.–17. sajandil. – Tuna 2000, nr. 3, lk. 22–29.

³⁰ C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans, s. 359–361; J. A. Almquist. Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630. Andra delen. Stockholm, 1922, s. 688, viide 1; B. Jangfeldt. Svenska vägar till Sankt Petersburg: kapitel ur historien om svenskarnas Nevans stränder. Stockholm, 1998, s. 29.

³¹ H. Almquist. Sverige och Ryssland, 1595–1611. Tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de Ryska gränsländans eröfring och den stora dynastiska planen. Uppsala, 1907, s. 15.

³² K. Väänänen. Herdaminne för Ingermanland. I. Lutherska stiftsstyrelsen, församlingarnas prästerskap och skollärare i Ingermanland under svenska tiden, Helsingfors, 1987, s. 11.

поначалу призванная на помощь России, постепенно оккупировала северо-западные российские земли от лена Кякисальми до Новгорода (в том числе Старую Руссу, Порхов, Ладугу и Гдов).

27 февраля 1617 г. шведское и русское посольства подписали в Столбово мирный договор, по которому под власть Швеции попадали крепости Ивангород, Ям, Копорье, Нетеборг и Кексгольм.³³ При этих крепостях имелись и купеческие посады, которые король Густав II Адольф надеялся использовать для посредничества в транзитной торговле с Россией. Но поскольку в мирном договоре имелся пункт, по которому русские дворянские и боярские дети, а также монахи и граждане могли переселяться из Ингерманландии в Россию, среди переселенцев немалую часть составляло русское купечество. Ям, Копорье и Нетеборг уже в том же 1617 г. деградировали и стали лишь местными торговыми точками. Только в Ивангороде сохранилась подавляющая часть горожан, и ради этого шведские власти предоставили городу ряд особых льгот – вплоть до прав города.³⁴

Если русские крепости Ингерманландии не стали складскими местами и не вошли в сеть транзитных торговых путей, то в начале шведской инвазии, а особенно после заключения Столбовского мира, оживилось торговое движение по Невскому водному пути. В начале оккупации, для укрепления предназначавшейся на роль русско-шведской границы Невы, Карл IX распорядился в 1610 г. найти в дельте Невы подходящее место для строительства крепости. Вскоре опорный пункт превратился в плацдарм для продолжения шведских захватов. Строительство

опорного пункта в устье притока Невы Охты (*Svärta å, Svartebäck*) началось в 1611 г.³⁵ Укрепление было названо Нюенсканс. В 1611 г. заместителем коменданта строящейся крепости был Хенрик Эрикссон (Сабелсьерна), а с 1613–1618 гг. с этим местом связаны хозяйственные счета Фредрика Мюллера. Крепость находилась в подчинении Нетеборгского замка. Экономическую единицу в лице Нюенского лена составляли Спасский и Корбойсельский погост с так называемым Выборгским носом и устьем Невы. Названная территория должна была обеспечивать снабжение крепости.³⁶

Строительство нового военного укрепления было связано со множеством трудностей. Ощущалась нехватка как в людях (кроме солдат, к работам пытались привлекать и крестьян из Выборга и лена Кякисальми), так и в строительных материалах. В дельте Невы не было строительной древесины и камня. Их приходилось с большими трудностями доставлять издалека. Хотя строительные работы продвигались с трудом, за первое десятилетие все же удалось построить на мысе укрепленный опорный пункт. Комплектация гарнизона тоже вызывала проблемы. Как известно, во время заключения Столбовского мира в Нетеборге и Нюенскансе было в общей сложности 200 человек.³⁷ Интересно отметить, что такой же укрепленный пункт шведы пытались в 1611 г. построить на месте впадения реки Волхов в Ладожское озеро, но по Столбовскому миру эта территория отошла к России.³⁸

О периоде с 1610 по 1617 гг. можно сказать, что Нюен был слабо развитым военным опорным пунктом. На государственном

³³ A. Soom. *De ingermanländska städerna och freden i Stolbova 1617.* – *Svio-Estonica*, Tartu 1936, s. 34.

³⁴ Там же, s. 35–44; A. Soom. *Ivangorod als selvständige Stadt 1617–1649.*

Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat, 1936, Tartu 1937, s. 215–219.

³⁵ C. G. von Bonsdorff. *Nyen och Nyenskans*, c. 361–363, 381; J. A. Almquist. *Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630. Andra delen*, c. 688; K. Väänänen. *Herdaminne för Ingermanland*, c. 11; М. Мильчик. Шведские крепости вокруг Петербурга. – Шведы на берегах Невы. Сб. статей. Stockholm, 1998, c. 31; B. Jangfeldt. *Svenska vägar till Sankt Petersburg*, s. 29.

³⁶ J. A. Almquist. *Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630. Andra delen*, s. 688.

³⁷ B. Jangfeldt. *Svenska vägar till Sankt Petersburg*, s. 33. 200 человек для Нетеборга и крепости Нюенсканс предусматривалось и в составленном государственным канцлером Акселем Оксенстиерна в 1615-ом или 1616 г. предложении: *Rikskansleren A. el Oxenstiernas skrifter och brevvevling*, afd. 1, bd 1, *historiska och politiska skrifter*, Stockholm, 1888, s. 366–367.

³⁸ J. A. Almquist. *Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630. Andra delen*, s. 688.

уровне речь шла только о военной защите и плацдарме для экспансии.³⁹ Для коммерческих идей время было крайне неподходящее. Купеческая слобода в это время рядом с крепостью не возникла. Из-за военного положения товарный поток между Швецией и Россией и Россией и Западной Европой в это время прекратился. Хотя еще до заключения Столбовского мира государство вывозило через Нюен по Невскому водному пути из Ингерманландии зерно без таможенных сборов и акцизов.⁴⁰

В средние века, когда преобладающая часть русской транзитной торговли шла через входящие в Ганзейский союз города Старой Ливонии, Нева была известна и используется в качестве пути передвижения.⁴¹ По ней можно было выйти в систему внутрироссийских водных путей. На долгом пути дельта Невы была одним из удобных мест для остановки. И письменные, и археологические источники свидетельствуют, что остановка находилась на слиянии Невы и Охты.⁴² Но в ходе строительства крепости Нюенсканс в 1583 и 1611 гг. ни о каком поселении рядом с ней не упоминается.⁴³ В верховье реки, около крепости Нетеборг, в начале XVII века имелось пригородное поселение.⁴⁴

Формирование купеческого поселения в устье Невы в первом десятилетии XVII ве-

ка было во многом связано со шведскими, прежде всего выборгскими, купцами, а также с западноевропейцами, которые по пути в Россию останавливались у крепости Нюенсканс, часто там зимовали, складировали свои товары и при необходимости искали защиты. Известно, что в 1615 г. в устье Невы прибыли 14 судов из Таллинна, Голландии, Выборга, Норчепинга, городов России и других мест.⁴⁵ Как развивалась торговля в Нюене в первое десятилетие, неизвестно. При этом в Таллинне ощущалась конкуренция с новым местом торговли. Так, когда в июне 1623 г. Таллинн заключил со шведским государством шестилетний договор о таможенном подряде, в числе городов, в которых таможенные сборы осуществлял Таллинн, называлось и устье Невы или купеческое поселение Нюена.⁴⁶

В поле зрения центральных властей Нюен в качестве перспективного места торговли попал лишь в 1630–1649 гг., и то в связи с масштабным планом реформ, которые затрагивали также Таллинн и Нарву. Реформы не были вызваны желанием поэкспериментировать, но были напрямую связаны с изменением принципов торговой политики Швеции. После заключения Столбовского мира Швеция стремилась дипломатическим путем добиться от России обеспечения сво-

³⁹ Например, в 1614 году по Невскому водному пути переправляли и военное снаряжение, и людей: Rikskanslaren A. el Oxenstiernas skrifter och brefvexling, afd. 2, bd 1, K. Gustaf II Adolfs bref och instruktioner, Stockholm 1888, s. 33, 46.

⁴⁰ Samling af urkunder rörande Finlands historia, d. 5, Handlingar upplysande Finlands historia under Gustaf II Adolfs tid, saml. af J. E. Waaranen; utg. efter samlarens död af Finska Statsarkivet, 2, 1615–1618, Helsingfors, 1878, s. 149.

⁴¹ Hansische Handelsstrassen. Hrsg. Von Friedrich Bruns und Hugo Weczerka. Quellen und Darstellungen zur Hansischen Geschichte, NF. Bd. XIII, Teil 2, Weimar, 1967, s. 769–770, 773, 774.

⁴² П. Е. Сорокин. Ландскрона, Невское устье, Нюеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб., 2001, с. 22–29.

⁴³ C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans, s. 381.

⁴⁴ М. Мильчик. Шведские крепости вокруг Петербурга. – Шведы на берегах Невы. Сборник статей. Stockholm, 1998, с. 31.

⁴⁵ И. П. Шаскольский. Русская морская торговля на Балтике в XVII в., с. 134–135.

⁴⁶ По договору, иностранным судам и зафрахтованным иностранцами шведским судам дозволялось заходить только в порты Таллинна и Выборга. После захода в эти порты иностранцы могли идти и в другие города Финского залива. В Таллинне и Выборге таможенный сбор составлял 3% от стоимости товара. В других портах – 6%. Поскольку таллинская таможенная рента не оживила русскую транзитную торговлю в бывшем ганзейском городе и в Выборге, Густав II Адольф в 1629 г. по окончании арендного договора не возобновил его. См. K. R. Melander. Die Revaler Zollarende 1623–1629 und die dadurch zwischen Schweden und Lübeck hervorgerufenen Mißhelligkeiten. – Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd. XIV. Lübeck, 1912, s. 247 ff; A. Soom. Die Politik Schwedens, 9–10; S. Troebst. Handelskontrolle – „Derivation« – Eindämmung, с. 133–135; E. Gierlich. Reval 1621 bis 1645. Von der Eroberung Livlands durch Gustav Adolf bis zum Frieden von Brömsebro. Bonn, 1991, s. 157–161.

им подданным соответствующих по договору условий торговли и привлечь российские товары из Архангельска в Балтийское море. Эта мирная, но зачастую непоследовательная и конкретно не выраженная политика, как и кратковременные привилегии для отдельных купцов и компаний, не приносила ожидаемых плодов. Затем власти направили усилия на реорганизацию инфраструктуры городов в заморских провинциях и изменение условий торговли, чтобы привлечь в Финский залив заинтересованных в русском рынке западноевропейцев. Новую экономическую политику современники называли введенным Петером Антоном Лоофелдтом термином – *libertas commerciorum*.⁴⁷

Шаги, которые предприняло правительство Швеции для превращения Ньюена в торговый город, нельзя считать последовательными. 17 июня 1632 г. в военном лагере под Хершбруком в Германии Густав II Адольф принял решение о строительстве на берегах Невы (по-шведски *Нюен*) и в подходящих местах Карелии и Ингерманландии городов, которые получают права города и привилегии, основанные на шведском законе о городах. Новые города должны были быть на шесть лет освобождены от всех налогов, а тем, кто будет строить в городах каменные дома и другие строения, обещали продление безналогового периода еще на шесть лет. Это условие особо подчеркивалось в связи с Ньюеном. Освобождение от налогов связывалось с получением статуса гражданина города и обязательством не покидать город после окончания безналогового периода. Согласно королевскому решению, Ньюен и другие города Карелии и Ингерманландии должны были получить первые собственные привилегии лишь по окончании свободных лет.⁴⁸

Возникает вопрос, почему власти решили строить новый город? Несомненно, дело было не в создании конкурента для Нарвы, поскольку примерно в то же время начались поиски путей улучшения ее экономического положения. Нельзя также считать основным аргумент о том, что в смысле привилегий Ньюен являлся *tabula rasa*, чистым листом, который власти могли заполнять по своему усмотрению. Главной причиной следует считать попытку Швеции вовлечь в сферу своего торгового влияния производственные области Северо-Западной и Западной России при помощи пограничного города, связанного с системой внутренних водных путей России. Создание города в устье Невы было частью программы Густава II Адольфа по переводу российской транзитной торговли в шведские города. Что касается 1632 г., следует признать, что хотя это важная дата в истории города Ньюена, решение о строительстве было прелиминарным. До конкретных городских привилегий дело не дошло, в повседневной жизни приходилось исходить из шведского закона о городах.⁴⁹ Наряду с Ньюеном в решении названы другие неопределенные места в Карелии и Ингерманландии, где можно построить города. Кроме экономических аспектов, создание нового города (городов) было частью программы колонизации Ингерманландии шведами и другими поселенцами.

Идея дать права городов ориентированным на российский рынок купеческим поселениям раздражала кроме Таллинна еще и Выборг.⁵⁰ Последний практически утратил свое значение посредника в российской транзитной торговле, однако на государственном уровне в качестве торговых площадей Выборга, Россия помимо Карелии по-прежнему рассматривалась. Отношение

⁴⁷ E. Küng. *Roots i majanduspoliitika*, lk. 103.

⁴⁸ Samling utaf Kongl. Bref, Stadgar och Förordningar etc. angående Sveriges Rikes Commerce, Politie och Oeconomie. Utg. av Anders Anton von Stiernman. I, Stockholm, 1747, s. 1003–1004. См. также C. G. von Bonsdorff. *Nyen och Nyenskans*, s. 381–382.

⁴⁹ Шведский закон о городах (*stadslagen*) берет начало со времен короля Магнуса Эрикссона (XIV в.), он постепенно пополнялся и стал в Швеции основным законодательным документом, регулирующим принципы городской жизни. Закон был напечатан 7 января 1618 г. и дополнен в декабре 1619 г. (*1619 års stadga*): Eli. F. Heckscher. *Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa, I*, Stockholm, 1935, s. 242–243; R. Sandberg. *I slottets skugga*. Stockholm och kronan 1599–1620. Stockholm, 1991, s. 59–61, 85–90.

⁵⁰ А. И. Гиппинг. *Нева и Ниеншанц*, 1–2, с. 41–42.

выборгских купцов к Нюену сравнимо с отношением таллинцев к Нарве. Если с началом русско-ливонской войны «таллинские купцы и граждане стояли в Розовом саду и с болью и горечью смотрели, как суда проходили мимо Таллинна и направлялись в Нарву»,⁵¹ то в 1630 г. в такой же ситуации были купцы Выборга. Иностранцы, раньше приезжавшие за русскими товарами в Выборг, теперь предпочитали направляться прямо в устье Невы. И русские больше не приходили в Выборг, а останавливались в Нюене. Торговля Выборга с Россией несла убытки, сокращались и таможенные доходы государства. Выдвижение Нюена вызывало тревогу и в Нарве. Нарвские купцы были убеждены, что товары, прежде шедшие в Россию через Нарву, теперь направляются в новый город Нюен. Нарва тоже считала Ингерманландию и лен Кякисальми своими торговыми угодьями.⁵² В результате сложившейся ситуации, 6 мая 1638 г. правительство решило запретить идущим с запада иностранным судам проходить, минуя Таллинн, в Нюен и разгружать и загружать там товары.⁵³

Несомненно, одной из причин изменения позиции властей – наряду с жалобами – была и неожиданная смерть Густава II Адольфа. Хотя регентский совет королевы Кристины в конце 1630-х гг. в принципе продолжал политику прежнего короля, ее возобновление потребовало времени в вопросах торговли с Россией.⁵⁴ И, как это было свойственно шведским властям в период их крупных торгово-политических реформ и преобразований, в вопросе Нюена в том же 1638 г. был произ-

веден новый кардинальный поворот: правительство королевы Кристины 28 сентября, т.е. почти через пять месяцев после предыдущего решения, вновь вернулось к резолюции короля Густава II Адольфа от 17 июня 1632 г. Для начала вспомнили о желании покойного короля создать город в устье Невы, которое не было воплощено в жизнь из-за неожиданной кончины короля и смутного времени. Затем регентский совет подтвердил намерение вновь заняться строительством города. Вновь в Нюене провозглашалось верховенство шведского закона о городах. Затем утвердили перевод внутренней и внешней торговли города на те же основания, что в Выборге и в Нарве. В связи с этим был отменен запрет на торговлю иностранцев в Нюене. Новым жителям города обещали теперь уже 12-летнее освобождение от малого таможенного сбора, печной подати и акциза на изготавливаемые в городе пиво и водку. Жители освобождались также от разовых налогов. Для этого им следовало стать гражданами Нюена и, как в 1632 г., обязаться не покидать город после окончания свободных лет.⁵⁵

Решение регентского совета 1638 г. по сути можно рассматривать как новое начало формирования Нюена как города. В то же время сравнение условий торговли в Нюене с Нарвой и Выборгом позволяет оценить реальную позицию Нюена во внешней торговле. В первую очередь, правительство имело в виду прибывающие из России товары и посредничество. Что касается Нарвы, то до 1643 г. западноевропейцам было запрещено идти морем мимо Таллинна прямо в Нарву⁵⁶,

⁵¹ Balthasar Russow. Liivimaa kroonika. Tallinn, 1993, lk. 123.

⁵² A. Soom. Die Politik Schwedens, 13, 52–53, 57.

⁵³ Samling utaf Kongl. Bref, Stadgar och Förordningar, II, Stockholm, 1750, s. 168–170; C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans, s. 383; А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанц, 2, с. 45–47. Гиппинг в своей книге указывает еще на одно распоряжение правительства от 30 марта 1635 г., по которому русские суда, шедшие с товаром по Невскому пути в Балтийское море, должны были платить так называемую большую морскую таможенную пошлину в Выборге. К сожалению, более поздние исследования на это решение не указывают. Автор настоящей статьи не нашел указанного документа ни в собрании шведских законов А. А. фон Стирнмана, ни в Государственной регистратуре Шведского государственного архива.

⁵⁴ По оценке А. Соома, новое оживление так называемого вопроса русской торговли произошло в 1638 г.: A. Soom. Die Politik Schwedens, s. 28.

⁵⁵ Samling utaf Kongl. Bref, Stadgar och Förordningar etc., II, 173–175. См. также: C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans, s. 382. По утверждению Гиппинга, за изменением стоял финский генерал-губернатор Пер Брахе, который весной 1638 г. ознакомился с крепостями и поселениями Ингерманландии и увидел торговые прерогативы этих мест: А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанц, 2, с. 50–51.

а, значит, и в Ньюен. Таким образом, можно утверждать, что в 1638 г. Ньюен получил статус пассивного города-склада.

Первые привилегии города Ньюен получил лишь 20 сентября 1642 г. Но этот правовой акт не сравним с привилегиями Таллинна или даже Нарвы, которые шведские власти подтверждали, начиная с XVI века. Своеобразие Ньюена по сравнению с названными городами заключалось в том, что для центральной власти он был словно чистый лист: там не приходилось учитывать никаких исторических привилегий или прочих правовых актов, как, например, в Таллинне, а можно было применять так называемую шведскую модель. Хотя и в привилегиях Нарвы в 1585 г. и несколько раз позже отмечалось верховенство в регуляции жизни города шведского городского закона, он все же был скорее примером, чем абсолютным основополагающим документом.⁵⁷

Данные Ньюену в 1642 г. привилегии называли ведущим органом города Рат (городской совет), определяли его компетенцию, состав, время работы, должности чиновников, но в то же время величина совета не определялась. В штат входили бюргермейстеры (бургомистры), со старшиной во главе, ратманы, городской письмоводитель (секретарь), два камермана, мастер строительных дел и другие чиновники. По традиции, в задачи совета входило и руководство городской жизнью и правовая деятельность при решении гражданских и уголовных дел. Власть совета должны были контролировать дворцовые власти, королевский наместник или дворцовый фогт. Одним из подтверждений городского статуса Ньюена была выдача герба. На нем был изображен лев, стоящий между двумя реками, с мечом в поднятой правой лапе. Повторены также положения резолюций 1632 и 1638 гг.: 12-летнее освобождение от малого таможенного сбора, печной подати и акциза на изготавливаемые в

городе пиво и водку для новых граждан города. После этого срока нельзя было уезжать из города по меньшей мере два года. Внутренняя и внешняя торговля города была по-прежнему приравнена к Выборгу и Нарве.⁵⁸ После 1642 г. Таллинн, Нарва и Выборг протестовали против нового города.⁵⁹ Однако 15 сентября 1647 г. королева Кристина вновь подтвердила привилегии Ньюена.⁶⁰

Хотя это не отражено в привилегиях, в том же 1642 г. Ньюен стал важнейшим городом Ингерманландии – столицей провинции. Центральные власти уже несколько месяцев назад решили разделить генерал-губернаторство Ливонское и Ингерманландское и образовать две отдельные губернии. В инструкции, данной 20 июля 1642 г. первому генерал-губернатору Ингерманландии Эрику Гилленстирну, его резиденцией называется Ньюен.⁶¹ Это решение было принято, видимо, исходя из расположения нового города в центре провинции. Однако статусом столицы Ньюен наслаждался недолго. Уже в 1651 г. было решено перенести резиденцию генерал-губернатора в Нарву, город с лучшей инфраструктурой.⁶²

Для начала экономической жизни города была важна и резолюция королевы Кристины от 31 августа 1646 г. Введение ежегодной трехнедельной ярмарки в августе наверняка увеличило интерес иностранцев к Ньюену. В это время чужаки могли без ограничений торговать друг с другом, с гражданами города и окрестными крестьянами. Существенно было и то, что половина таможенных сборов портория оставалась городу, хотя таможенные сборы с русских товаров поначалу полностью отходили государству. Королева не отклонила напрямую желание Ньюена превратить три русских магазина в городской пакауз, но рекомендовала подумать о способах привлечения в город русских. Для этого в первую очередь требовались жилые помещения и торговые

⁵⁶ E. Küng. *Rootsi majanduspoliitika*, lk. 93–101.

⁵⁷ Там же, lk. 83–84.

⁵⁸ Привилегии Ньюена 1642 года опубликованы: C. G. von Bonsdorff. *Nyen och Nyenskans*, s. 453–459.

⁵⁹ A. Soom. *Die Politik Schwedens*, s. 57.

⁶⁰ C. G. von Bonsdorff. *Nyen och Nyenskans*, s. 462.

⁶¹ Шведский государственный архив (*Svenska Riksarkiver = RA*), *Livonica II*, vol. 626. Статус резиденции рассматривается в ст. 35 инструкции.

⁶² C. G. von Bonsdorff. *Nyen och Nyenskans*, s. 396.

площади.⁶³ Дополнительные льготы город получил и по резолюции королевы от 29 ноября 1650 г. С этого момента городу принадлежала половина таможенных сборов портория с русских товаров. Кроме того, королева утвердила освобождение горожан от многих податей, в том числе и контрибуций.⁶⁴

Преобразование Нюена в торговый центр

С самого начала город Нюен был ориентирован на русский рынок. Так его рассматривали и центральные власти, при этом с 1640 г. Нюен входил в единое экономическое пространство не с Выборгом, за которым стояла Карелия, а с Таллинном и Нарвой. Это экономическое пространство власти формировали постепенно множеством законодательных актов. Одним из первых шагов, который не касался Нюена буквально, было данное любекцам 13 октября 1643 г. разрешение идти морем, минуя Таллинн, прямо в Нарву, там торговать оптом любыми товарами (в т.ч. солью и сельдью) и беспрепятственно везти товары дальше в Россию. Кроме того, таможенные сборы с купцов Любека снизились в Нарве до двух процентов от стоимости товара. В дальнейшем любекские купцы могли сами решать, отправляться ли им за русскими товарами в Таллинн или Нарву, а по сути – и в Нюен.⁶⁵ Существенно, что, хотя резолюция касалась только любекцев, последние открыли дорогу на Нарву и Нюен для всех западноевропейцев.

Еще более существенный для создания

единого экономического пространства законодательный акт был принят в 1648 г. Уже в 1642 г. в Нарве и Нюене была введена таможенная, при этом таможенные сборы с некоторых вывозимых из России товаров снизились до трех процентов от стоимости товара (1% порториум и 2% лицензия). Эта таможенная ставка не касалась экспортируемых в Россию товаров и тех русских импортных товаров, которые производились в Ингерманландии, например, зерна. Снижение ставки касалось, прежде всего, кожевенного сырья и выделанных кож, льна, конопли, шелка-сырца, жира, тюленьего жира, свинины – всего 26 товарных артикулов.⁶⁶ 24 марта 1648 г. шведское государство и город Таллинн заключили коммерческий договор, принципы которого применялись для унификации условий торговли во всех трех городах Финского залива. По нему, русские и другие чужие купцы получили право беспрепятственной оптовой торговли между собой. В число так называемых разрешенных товаров не входили соль, сельдь и зерно, которые можно было покупать только у таллинских купцов. И оптом и в розницу иностранные купцы могли торговать мехами, кожей и изделиями из них (например, седлами, но не перчатками). Кроме того, таможенные сборы были снижены до 2% от стоимости товара.⁶⁷ Затем Таллинн, Нарва и Нюен образовали единый союз транзитной торговли, который был окончательно оформлен 31 июля 1648 г. данным этим городам таможенным регламентом, касающимся ввоза и вывоза российских и западных товаров.⁶⁸

Во второй половине XVII века шведские

⁶³ Там же, с. 459–461.

⁶⁴ Там же, с. 463–465.

⁶⁵ K. R. Melander. Die Beziehungen Lübecks zu Schweden und Verhandlungen dieser beiden Staaten wegen des russischen Handels über Reval und Narva während der Jahre 1643–53. – Historiallinen Arkisto. XVIII. Helsinki 1903, s. 5–59; S. Troebst. Handelskontrolle – „Derivation« – Eindämmung, s. 156–157; E. Küng. Rootsi majanduspoliitika, lk. 101, 278–282.

⁶⁶ A. Soom. Die Politik Schwedens, s. 121–122, 139; A. Soom. Der baltische Getreidehandel im 17. Jahrhundert. – Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Handlingar Historiska Serien 8, Stockholm, 1961, s. 77–78.

⁶⁷ A. Soom. Der Handel Revels im siebzehnten Jahrhundert (Marburger Ostforschungen, Bd. 29, Hrsg. von Hellmuth Weiss), Wiesbaden, 1969, s. 167; A. Weinmann. Reval 1646 bis 1672. Vom Frieden von Brömsebro bis zum Beginn der selbständigen Regierung Karl XI. Bonn, 1991, S 11–17. Текст коммерческого договора 1648 г. опубликован: Die Quellen des Revaler Stadtrechts, II. Bd, hrsg. von Fr. G. von Bunge, Dorpat, 1847, s. 253–271.

⁶⁸ Samling utaf Kongl. Bref, Stadgar och Förordningar etc., II, 532–575. Резюме из таможенного регламента 1648 г. для Таллинна, Нарвы и Нюена имеется в фонде Нарвского магистрата. См. Исторический архив Эстонии (ИАЭ) ф. 1646, оп. 2, д. 41, л. 2–3 об. Ср. и в печатном виде: ИАЭ ф. 854, оп. 2, д. 515.

власти вели по отношению к Таллину, Нарве и Нюену единую торговую политику. Таллинн и Нарва были вынуждены смириться с существованием Нюена. В районе Финского залива на русский рынок были официально ориентированы только эти три города, Выборг в этой роли уже не учитывался, а Ивангород был в 1645 г. присоединен к Нарве и тем самым исключен из конкуренции.⁶⁹ Примером единой государственной политики является и то, что когда в 1651 г. в Стокгольме начала работу Королевская коммерческая коллегия, одной из задач которой был вопрос российской транзитной торговли, то курировать дела Эстонии и Ингерманландии был назначен один коммерц-директор, которым 1 января 1653 г. стал Филип фон Крузенштерн.⁷⁰

В Нюене действовали таможенные ставки двух видов, что отражало своеобразие торгового ареала города. Если таможенные пошлины на русские товары еще в 1642 г. были снижены сначала до трех, а потом до двух процентов (это называлось *ливонской таможенной*), то с внутригосударственных – ингерманландских и карельских – товаров следовало платить куда более высокую пошлину. Она называлась *шведской таможенной*. Путем взимания более высоких таможенных сборов с местных товаров государство пыталось поддерживать исторический торговый город Выборг. Одновременно с открытием Нарвы и Нюена для чужестранных купцов и формированием единого экономического пространства началось составление политико-экономических обзоров по данному региону и их представление правительству. Целью этих обзоров было нахождение путей концентрации всего русского транзита в трех городах Финского залива, разумеется, за

счет торговли в Архангельске. Звучавшее до сих пор требование Швеции о соблюдении Россией условий Столбовского мира отошло на задний план. Все больше и больше внимания уделялось преобразованиям, которые производились в заморских городах для привлечения русских и западноевропейских купцов. В 1640-е гг. благодаря своим предложениям выдвигаются, например, Даниэль Кемпе, Энгельбрехт Менгден, Петер Хелтшер⁷¹, а также Петер Антон Лоофельдт и Ф. фон Крузенштерн.⁷² Последние прекрасно знали ситуацию в России, были экспертами по российской торговле и советниками правительства и государственного канцлера Акселя Оксенштирна, проводившего правительственные реформы.

Так, например, еще около 1642 г., когда Нюен стал столицей Ингерманландии и получил первые привилегии города, таможенный инспектор Эстонии, Ливонии и Ингерманландии П.Хелтшер считал очень скромными перспективы Нюена стать торговым городом. Главными препятствиями он считал удаленность города от других торговых центров и труднодоступность со стороны моря. Состояние порта Нюена не позволяло кораблям подходить к городу. Небольшим судам приходилось становиться на якорь за две мили, а крупным, например, голландским, даже за пять миль от порта на рейде. Это было и опасно, и повышало расходы на разгрузку и загрузку товаров. Невыгодным для города П. Хелтшер считал действовавший в России запрет на вывоз зерна, из-за которого Нюен не мог получать взамен товары из Западной Европы. К тому же, по его оценке, местные русские купцы не внушали доверия, в делах с ними следовало бояться обмана. А немецкое население Нюена несло большие расходы в

⁶⁹ A. Soom. Ivangorod als selbständige Stadt 1617–1649. – Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat, 1936, Tartu, 1937, s. 272–281; ИАЭ ф. 1646, оп. 1, д. 1, л. 79 об. – 83 об.

⁷⁰ B. von Krusenstjern. Philip Crusius von Krusenstiern (1597–1676). Sein Wirken in Livland als Rußlandk.E.er, Diplomat und Landespolitiker (Wissenschaftliche Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Ostmitteleuropas. Im Auftrage des J.n-Gottfried-Herder-Instituts, hg. von Hans-Jürgen Karp, Nr. 102), Marburg/Lahn, 1976, s. 40; S. Troebst. Handelskontrolle – «Derivation» – Eindämmung, s. 287; E. Küng. Rootsi majanduspoliitika, lk. 120.

⁷¹ A. Soom. Die Politik Schwedens, s. 33, 54–55.

⁷² Мнения П. А. Лоофельдта и Ф. фон Крузенштерна о Нарве автор настоящей статьи осветил в работах: E. Küng. Rootsi majanduspoliitika, lk. 103–107, 121 итд. О Ф. фон Крузенштерне см. также: B. von Krusenstjern. Philip Crusius von Krusenstiern (1597–1676).

связи с ежедневными поставками продуктового запаса.

Инвестируемый в торговлю капитал был мал. Вообще, лишь у отдельных немецких купцов имелся капитал более 300–400 рикс-талеров. Учитывая все это, П.А. Хелтшер предлагал ингерманландским русским, в том числе и преуспевающим в делах ивангородцам, начать торговать в Нюене, поскольку, странствуя по стране, они своей активностью наносили ущерб и Нарве, и другим городам Эстонии и Ливонии. Он рекомендовал также нюенским купцам взять в свои руки посредничество при переправке русских товаров в Финляндию и Швецию и не допускать русских дальше своего города.⁷³

К мнениям П.А. Хелтшера и других современников следует относиться с осторожностью. Так, записке Хелтшера можно противопоставить письмо нарвского губернатора Нильса Ассерссона Маннерселда генерал-губернатору Бенгту Оксенштирну от 20 июня 1641 г., в котором он описывал свое недавнее посещение Нюена. Он писал, что в это время в город пришли девять-десять крупных судов и чужаки (*de fremmande* – см.: Küng, Enn. Nyen (Nevanlinna)... – Tuna 2003, nr. 2, lk. 18.)) перекупали зерно. Один таллинский гражданин, Эверт Деллингхуссен, вывез из Нюена 8000 бочек зерна,⁷⁴ а это очень большой объем (около 333 грузов). Видимо, торговлю в Нюене в начале 1640-х гг. не могли в необходимой мере регулировать ни на государственном, ни на местном уровне. Согласно рапорту президента Дерптского придворного суда Энгельбрехта Менгдена от 1640 г., иностранные купцы в Нюене могли беспрепятственно торговать как с русскими, так и между собой, их деятельность не ограничивалась интересами местного купечества. У города не было Рата, который отстаивал бы интересы горожан, которых в то время было менее 80. По сведениям Э. Менгдена, деятельность нюенских купцов затруднял крайне скудный оборотный капитал.⁷⁵

Детальный обзор населения Нюена дает список, составленный 14 июня 1640 г. асессором Дерптского придворного суда Даниэлем Кемпе по приказу генерал-губернатора Ливонии и Ингерманландии Бенгта Оксенштирна. В нем перечислены имена 67 горожан, или граждан города мужского пола. Были записаны места их рождения, время проживания в Нюене и сфера деятельности. 13 горожан жили в Нюене уже в 1620-е гг., из них 9 – с начала или середины десятилетия. Согласно списку, старые жители составляли более бедное население. Лишь один русский, Ифван Матсон (Ifwan Matsson), был купцом, остальные – ремесленниками, среди которых преобладали сапожники. Примерно дюжина горожан обосновалась в Нюене в 1630 или 1631 гг. О шести жителях из 67 ясно сказано, что они русские, по меньшей мере 41 житель или гражданин имел финское происхождение, из них 16 – родом из Выборга, 13 – из лена Кякисальми. Десять нюенцев прибыли из Германии, трое из Эстонии и Ливонии и шестеро – из Швеции. Если же рассматривать связь происхождения и профессии, то лишь пятеро купцов были родом из Финляндии. Финны преобладали среди ремесленников. Пятеро немцев были купцами. Бросается в глаза большая доля служащих – мастер по лицензиям, русский толмач, шкипер и т.п. Были и такие, кто состоял в услужении у государственных чиновников или граждан. Большая часть жителей Нюена были бедны, только о двух сказано, что у них хорошая торговля. Например, о Матссоне сказано, что он *drifwer wacker handell på landet med allehanda wahrur som här passera*.⁷⁶

С вышеописанным списком переключается составленный в 1640 г. список школьников Нюена, в котором перечислены 39 детей с указанием места рождения. Так, из 39 детей: – 12 из Выборга, 11 из Нюена, 4 из Кякисальми, 3 из Нетеборга, 2 из Саволакси, по одному из Таллинна, Раквере и небольших мест Каре-

⁷³ Livonica II, vol. 664.

⁷⁴ ИАЭ ф. 278, оп. 1, д. XVIII:12, л. 32.

⁷⁵ A. Soom. Die Politik Schwedens, s. 54.

⁷⁶ Перепись населения Нюена опубликована: T. G. Aminoff. Borgerskapet i Narva och Nyen 1640. – Genealogiska samfundets i Finland årsskrift, 41, Lahti, 1979, s. 134–138. Оригинал находится в государственном архиве Швеции: RA, Livonica II, vol. 68.

лии. В другом списке школьников перечислены имена 38 учеников и трех сcribeнтов, но без указания их происхождения.⁷⁷ Составленные в 1640 г. списки граждан и школьников отражают те территории, откуда были родом нюенцы. Подавляющую часть жителей города составляли финны и шведы. Богатая часть купечества была немецкоязычной. Доля русских среди граждан города была невелика.

Самый обширный перечень жителей Ньюена представлен в списках т.н. подушной подати (*Mantalslängdh*), которую в источниках называют и мельничной таможенной податью (*Qwarnetullen*). Эти списки, хранящиеся в расчетных книгах генерал-губернатора Ингерманландии, составлялись в Швеции и Финляндии в соответствии с решением шведского Риксадага 1635 г. Под эти подати попадали и Ингерманландия и лен Кякисальми. Мельничной таможенной податью облагались все лица мужского и женского пола с 12-летнего возраста, но нижнюю границу можно было повышать; в первые годы не была точно зафиксирована и верхняя граница, она проходила примерно на 63 годах. Кроме детей и стариков, из списков исключались бедные и больные, а также солдаты и жившие на территории города дворяне. Работа сборщиков податей в источниках критикуется, особенно в 1640-е г.⁷⁸ Непоследовательность и большие расхождения отмечаются и в списках подушной подати, сохранившихся с 1640–1642 г. На их основании подушную подать в Ньюене платили в 1640 г. 294 человека (124 мужчины и 170 женщин), в 1641-м – 384 (176 и 208), а в 1642-м 471 человек (232 и 239).⁷⁹

Опираясь на списки подушной подати,

пытались высчитать количество жителей. Так, например, Свен Лилья, опираясь на стокгольмские налоговые списки, вывел коэффициент 2,2–2,6 человека на одного внесенного в список.⁸⁰ Применение такого коэффициента кажется оправданным: автор статьи по данным соответствующих налоговых списков Нарвы и Ивангорода 1638–1646 гг. получил на основании количества подушной подати и хозяйств примерно такой же порядок общего числа жителей.⁸¹ Применяя коэффициент 2,4 к налоговому списку Ньюена, получаем: в 1640 г. с Ньюеном было связано по меньшей мере 705 жителей, в 1641 г. – 921 и в 1642 г. – 1130. Конечно, речь не идет о резком росте числа жителей, скорее, это объясняется более точным составлением налоговых списков. В то же время, даже на основании списка 1642 г. нельзя утверждать, что в этот год в Ньюене было 1130 жителей, – это минимум. Списки жителей Ньюена более поздних времен не сохранились. Предполагалось, что в середине XVII века, к началу русско-шведской войны, в городе и его ближайших окрестностях было до 2000–2500 жителей,⁸² однако это, вероятно, преувеличение.

Кроме того, сохранилась ещё одна оценка населения Ньюена. Примерно в 1648 г. бургомистры и ратманы Ньюена, ходатайствуя о продлении т.н. безналоговых лет, сообщали королеве Кристине, что в городе 40 граждан или купцов, плюс ремесленники и другие. В общей сложности в городе было почти 200 обжитых участков, и Рат надеялся на то, что будут и новые жители.⁸³

В первой половине 1650-х гг. торговля в Ньюене пережила первый период подъема. Однако торговый бум длился недолго. В се-

⁷⁷ ИАЭ ф. 278, оп. 1, д. XXIV:82; P. Lotman. Unustatud uus linn, lk. 31.

⁷⁸ Gösta lext: Mantalsskrivningen i Sverige före 1860, Göteborg, 1968 (Meddelanden från Ekonomiskhistoriska institutionen vid Göteborgs universitet, 13), s. 43–45.

⁷⁹ Suomen Kansallisarkisto, 9651, 9653, 9656; C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans, s. 410.

⁸⁰ S. Lilja. Stockholms befolkningsutveckling före 1800: problem, metoder och förklaringar. In: Historisk tidskrift (svensk) 3 (1995), s. 315.

⁸¹ E. Kung. Über die Größe der Bevölkerung Narvas und Ivangorods in der Mitte des 17. Jahrhunderts. – Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag. Hrsg. von Bernhart Jähmig, Klaus Milizer. (Schriften der Baltischen Historischen Kommission. Bd. 12). Münster, 2004, s. 329–349.

⁸² Э. Д. Рухманова. Русско-шведская торговля, с. 146. И. П. Шаскольский. Русская морская торговля, с. 139, 179; П. Е. Сорокин. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц, с. 58.

⁸³ RA, Livonica II, vol. 207.

редине 1650-х русско-шведские отношения напряглись, что в 1656 г. привело к военному конфликту. Русские войска под предводительством воеводы Петра Потемкина перешли 3 июня границу Ингерманландии и подошли к берегам Финского залива. 5 июня они захватили и сожгли город и крепость Нюен, многие жители в панике бежали, многие были убиты.

Хотя русская оккупация Нюена и большей части Ингерманландии длилась лишь до сентября того же года,⁸⁴ торговля возобновилась только после заключенного 20 декабря 1658 г. Валиесарского перемирия.⁸⁵ В ходе переговоров российская сторона пыталась заполучить порты Нарвы и Нюена, но шведская сторона отказалась их отдавать.⁸⁶ При этом и русские, и шведские купцы были заинтересованы в продолжении торговых отношений. Как свидетельствует статистика цен на товары в Нюене, торговая деятельность в городе восстановилась в течение 1659 г.⁸⁷ Пришедшее к власти в начале 1660 г. правительство Карла XI способствовало восстановлению Нюена в качестве русского торгового склада. Решением от 8 марта 1660 г. были подтверждены принципы прежних привилегий города, и на последующие десять лет жители получили многие налоговые льготы. Половина доходов от портория и взимаемые в городе штрафы были переданы в распоряжение городского совета. Было введено единообразие таможенных ставок с Таллинном и Нарвой.⁸⁸ Позиция Нюена в русско-шведских торговых отношениях была окончательно зафиксирована в Кардисском мирном договоре, заключенном 21 июня 1661 г. В числе шведских городов, где могли торговать русские купцы, был назван Нюен вместе со всей Ингерманландией и леном Какисальми.⁸⁹

Нюен – посредник в русской транзитной торговле в XVII веке

Вероятно, военный губернатор Ливонии и Ингерманландии Эрик Андерссон Трана был первым, кто в 1626 г. говорил шведскому правительству о Нюене как об удобном в отношении российского рынка месте торговли. По мнению Э.А. Трана, шведским городам следовало организовать торговую кампанию, которая основала бы склад в Нюене. Последний мог бы с успехом составить конкуренцию Архангельску, при этом связь с системой внутренних водных путей России позволила бы доставлять в Нюен товары даже из Персии.⁹⁰

В 1627 г. в купеческих кругах Норчепинга возникла идея создания торговой кампании (*Nyenko*mpaniet) для торговли с Россией по реке Неве. Хотя одним из инициаторов представленной правительству идеи был богатейший предприниматель Норчепинга Луи Де Гир, кампания оказалась нежизнеспособной в основном из-за нехватки капитала. Осталась возможность развивать торговлю с российскими городами в порядке частной инициативы, но в первые десятилетия после заключения Столбовского мира купцы Стокгольма и других шведских городов (в отличие от Таллинна, Нарвы и Риги) этой возможностью не воспользовались.⁹¹

Несмотря на противостояние городов Финского залива, в конце 1630-х гг. именно шведское государство открыло торговые отношения с Россией по Неве. Прежде всего речь шла о множестве государственных заказов, например на российскую селитру, которую в 1639-м и 1640 гг. доставляли по Неве в Стокгольм и меняли на медь.⁹² Это был прорыв и в сообщении России со Шве-

⁸⁴ C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans, s. 365–366.

⁸⁵ S. Troebst. Handelskontrolle – «Derivation» – Eindämmung, s. 461–462.

⁸⁶ H. Piirimäe. Kaubanduse küsimused Vene-Rootsi suhetes 1661–1700. a., lk. 4.

⁸⁷ ИАЭ ф. 1646, оп. 2, д. 162, л. 13 об.–14.

⁸⁸ C. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans, s. 466–468.

⁸⁹ H. Piirimäe. Kaubanduse küsimused Vene-Rootsi suhetes 1661–1700. a., lk 14–20; S. Troebst. Handelskontrolle – «Derivation» – Eindämmung, s. 480–483; E. Küng. Rootsi majanduspoliitika, lk. 30–31.

⁹⁰ R. Liljedahl. Svensk förvaltning i Livland 1617–1634. Uppsala, 1933, s. 474.

⁹¹ И. П. Шаскольский. Русская морская торговля на Балтике, с. 24–27.

⁹² Э. Д. Рухманова. Русско-шведская торговля, с. 148.

цией через Балтийское море. Еще в первой половине 1630-х гг. Россия направляла выдаваемые Швеции зерновые субсидии в Архангельск.⁹³ Шведские купцы закупили в 1631 г. в Ньюене 171 ½ возов ржи и 4 воза ячменя, которые сбывали в Амстердаме и Любеке. Из Ньюена зерно направлялось также шведским войскам в Германии.⁹⁴

Если в 1620–1630-х гг. русские купцы попадали в Стокгольм относительно случайно, то начиная с конца 1630-х они ходили через Ньюен в столицу Швеции уже регулярно. В 1637 г. в Стокгольме был построен русский торговый двор.⁹⁵ Правовую базу для этого давало вышеназванное положение Столбовского мира о беспрепятственной торговле русских купцов в Выборге, Таллинне и Нарве, а также в Стокгольме. Швеция была единственной в Западной Европе страной, на въезд в которую русские купцы имели официальное право. В Стокгольм шли морем через Ньюен. Из Таллинна, Нарвы и других упоминаемых в Столбовском и Кардисском мирных договорах городов русские дальше идти не могли, они должны были продавать свои товары на месте.

Торговать в Стокгольме через Ньюен начали прежде всего новгородские, тихвинские, ладожские и олонечские купцы. Эти города образовали торговый регион Ньюена. Во второй половине XVII века невским водным путем пользовались для путешествия до Стокгольма и русские крестьяне из деревень вплоть до Белого моря. Новгородцы и псковичи активно торговали в Нарве, но торговые интересы русских в Ньюене и Нарве были различны. Через Ньюен в Россию доставляли, в основном, металл из Швеции,

Нарва же была посредником в продаже товаров из Западной Европы – соли, сельди, вин и др. Купцы из Москвы, Ярославля и других далеких российских городов редко попадали в шведские порты в Финском заливе, предпочитая Архангельск.⁹⁶ Конечно, и царская экономическая политика не способствовала приходу русских купцов на Балтику. Однако в начальные годы существования Ньюена западноевропейские корабли заходили в его порт в два-три раза реже, чем русские.⁹⁷ Одной из причин был действовавший еще в начале 1640-х гг. запрет для иностранцев идти напрямую в Нарву или Ньюен, минуя Таллинн или Выборг. При этом следует учитывать и то, что русскими кораблями были ладьи, не предназначенные для морских переходов. Их вместимость была меньше, чем у западных судов.

В первой половине 1650-х гг. внешняя торговля Ньюена значительно увеличилась. По оценке Ф. фон Крузенштерна, государство получило в начале 1650-х гг. в Ньюене с порториума, лицензий, акциза и других налогов до 3000 риксталеров. В Нарве эта сумма была чуть более 5000. В Таллинне только порториум вносил в казну около 3000–4000 риксталеров. В середине 1650-х гг. ситуация изменилась. В 1654 г. в Ньюене порториум (без других таможенных сборов) составил 15 000 риксталеров, в соседних городах – Таллинне 12 000 и в Нарве более 20 000 риксталеров.⁹⁸ Основной причиной такого резкого взлета была, однако, не успешная русская политика Швеции, а скорее изменение политической ситуации в Западной Европе, влияние которой сказалось и в России. А именно, в 1652–1654 гг. между Англией и

⁹³ Об этом подр. см. например: Б. Ф. Поршневу. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны. – Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии, 1945, № 5, с. 319–340.

⁹⁴ A. Soom. Der baltische Getreidehandel im 17. Jahrhundert. – Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Handlingar Historiska Serien 8, Stockholm, 1961, s. 29–30.

⁹⁵ И. П. Шаскольский. Русская морская торговля на Балтике, с. 33, 94.

⁹⁶ Э. Д. Рухманова. Русско-шведская торговля, с. 146–147.

⁹⁷ В 1640 г. через Ньюен прошло 45 русских, 14 западных и 37 шведских кораблей; в 1641 г. эти цифры были: 55, 29 и 23; в 1642 г. – 54, 17 и 27; в 1643 г. – 47, 15 и 30; в 1644 г. – 37, 17 и 53, и в 1645 г. – 53, 18 и 41. – С. G. von Bonsdorff. Nyen och Nyenskans, s. 420.

⁹⁸ Мемориал Ф. фон Крузенштерна вдовствующей королеве Хедвиг Элеоноре, составленный в Стокгольме 18 июня 1660 г. – Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet (Dokument ur svenska arkiv), Stockholm, 1978, s. 146.

Нидерландами шла морская война, в ходе которой был закрыт товарный поток через моря Северного Ледовитого океана в Архангельск. Для выхода на рынки Западной Европы русские купцы начали использовать порты городов Финского залива. Конечно, товары шли по Балтике и прежде. Так, например, в феврале 1651 г. Петер А. Лоофельдт сообщал из Нюена рижскому губернатору Хейнриху фон Турну, что купцам Нюена и Нарвы удалось вывезти из России большое количество зерна, при этом воеводы, которые раньше этому препятствовали, смотрели на происходящее «сквозь пальцы», а русские пограничники требовали с каждой саней взятку в $\frac{1}{2}$ риксталера. По сведениям П.А. Лоофельдта, в порты Финского залива прибыли и другие товары, которые раньше вывозились через Архангельск.⁹⁹ В мае того же года Лоофельдт имел основания сообщить о беспрепятственной торговле Нюена с Россией.¹⁰⁰ По окончании морской войны торговые пути по Северному Ледовитому океану восстановились, и большая часть российской внешней торговли вернулась в Архангельск.

Хотя город Нюен жестоко пострадал в шведско-русской войне 1656–1661 гг., интерес русских купцов к невскому водному пути восстановился быстро. Во второй половине XVII века экономические отношения соседних стран были особенно интенсивны. По некоторым оценкам, каждый год через Нюен в Стокгольм отправлялось около сотни купцов, лишь немногие из них оставляли товары в Нюене, большинство лишь проезжали через город. Так, согласно составленному в Стокгольме обзору российской торговли, в 1675 г. столицу Швеции посетили 110 русских купцов. Из них 62 были из Тихвина, 22 из Новгорода, 21 из Олонца и 5 из Ярославля. Стоимость российских товаров оценивалась в 284 842 риксталера и 24 эре, или 142 421 рубля и 36 копеек. Основную массу товаров составили всевозможные ремесленные изде-

лия. Более трети приходилось на самый ходовой в Европе товар – юфть (51 522 рубля). Далее следовали различные меха, меховые изделия и российские ткани. Стоимость обоих артикулов превышала 30 000 рублей. В общей сложности было продано российских ремесленных изделий на 100 913 рублей. Другую крупную группу товаров составляли сельскохозяйственные продукты – лен и конопля (16 038 рублей), а также жир, мясо, рыба и другие продукты.¹⁰¹ В Стокгольм экспортировались, как правило, товары российского производства. Из нерусских товаров стоит упомянуть персидский шелк. В общем, структура российских товаров была одинакова в Нюене, Нарве, Таллинне, Риге и в Архангельске. В последнюю четверть XVII века увеличилось количество русских купцов, отправлявшихся в Стокгольм через Нюен, и объем ввозимых ими товаров. В начале Северной войны в Стокгольме, по некоторым оценкам, было 150 русских купцов и товаров на 300 000 рублей.¹⁰²

Как уже упоминалось, русские купцы везли из Стокгольма медь, железо и изделия из них. Местное производство железа в России не могло удовлетворить потребности страны: железная руда была низкого качества и её добывали в два раза меньше, чем требовалось. Медь в России почти не производили. Благодаря месторождениям меди и железа, в Центральной Швеции развивалась металлургия и промышленность. В XVII веке Швеция стала ведущим экспортером этих товаров в Европе.¹⁰³ Из готовой продукции экспортировалось как оружие (пушки, мушкеты, холодное оружие), бытовые товары (котлы, винокурные аппараты, столовая посуда), так и многие другие изделия (якоря, якорные цепи, железные сетки, сельхозорудия), но, в основном, экспортировалось железо в виде прута и штанг, медь – в листах, монетах и проволоке. Экспортировались также сталь и латунь. Отдельной

⁹⁹ ИАЭ ф. 278, оп. 1, д. XIX:4, л. 5.

¹⁰⁰ Там же, л. 17, 19.

¹⁰¹ Э. Д. Рухманова. Русско-шведская торговля, с. 154–157.

¹⁰² Там же, с. 159.

¹⁰³ И. П. Шаскольский. Русская морская торговля на Балтике, с. 6–7.

статьей экспорта был металлолом. В 1685 г. русские вывезли из Стокгольма через Ньюен (в меньшей мере через Нарву) в Россию товаров общей стоимостью 248 766 риксталеров, в 1697 г. эта сумма составила 247 126, а в 1698-м 178 290 риксталеров, при этом доля металлов в 1697 г. составила 96% и в 1698 г. – 98%. Соль, сельдь, сукно и прочие товары составляли в российском импорте из Стокгольма незначительную часть. Основными перевозчиками товаров были сами русские.¹⁰⁴

Наряду с русскими в Ньюене торговали купцы из других шведских городов, из Любека, Нидерландов и Англии. Соотношение последних и русских выявляется из списка «вышедших и прибывших судов» в таможенных книгах Ньюена. Прибывших судов зарегистрировано меньше, поскольку зачастую таможенные сборы были уже уплачены до прибытия в Ньюен. Русские, например, делали это в Стокгольме. Поскольку вывоз русских товаров всегда был больше ввоза, часть кораблей приходила в Ньюен пустыми или с балластом.

Таблица 1: прибывшие и ушедшие из Ньюена корабли в 1687–1696 гг.¹⁰⁵

год	Ушедшие русские суда	Ушедшие нерусские суда	Всего	Прибывшие суда
1687	28	34	62	21
1688	27	63	90	51
1689	28	36	64	24
1690	34	54	88	42
1691	37	57	94	37
1692	34	44	78	37
1693	20	54	74	45
1694	31	53	84	39
1695	29	49	78	31
1696	30	45	75	28

Как видно из таблицы, по сравнению с 1640-ми гг. доля нерусских, т.е. шведских и западноевропейских, кораблей в торговле Ньюена возросла. Поворот в сторону международной торговли от преобладающе русской демонстрируют и цены вывозимых товаров.

Таблица 2: Цены (в риксталерах) вывезенных русских и нерусских товаров¹⁰⁶

Год	Вывоз русскими судами	Вывоз нерусскими судами	Год	Вывоз русскими судами	Вывоз нерусскими судами
1687	61100	34100	1692	60200	57500
1688	67000	82900	1693	47000	83300
1689	55100	50800	1694	74300	76600
1690	62500	72200	1695	68800	62800
1691	72400	64700	1696	64600	85500

Повышение интереса морских держав Западной Европы к Ньюену показывают и данные таможи Эрезунда. Для сравнения приводим данные и по другим городам Финского залива и Риге.

Таблица 3: Нидерландские и английские корабли, шедшие на Запад через Эрезунд из Риги, Таллинна, Нарвы и Ньюена в 1661–1700 гг.¹⁰⁷ ▶

¹⁰⁴ И. П. Шаскольский. Русская морская торговля на Балтике, с. 66–77.

¹⁰⁵ Там же, с. 154, таблица 23.

¹⁰⁶ Там же, с. 156, таблица 26.

¹⁰⁷ Tabeller over skibsfahrt og varetransport gE.em Øresund 1661–1783 og gE.em Storebælt 1701–1748. Forste del: Tabeller over skibsfarten. Utg. Nina Ellinger Bang og Knud Korst, København, 1930.

Год	Нидерланды		Нарва	Нюен	Англия		Нарва	Нюен
	Рига	Таллинн			Рига	Таллинн		
1661	57	25	3	0	3	1	1	0
1662	45	33	3	3	8	2	2	0
1663	62	17	8	1	14	0	2	0
1664	58	15	9	1	9	0	7	0
1665	16	10	0	0	6	0	1	0
1666	59	20	4	0	0	0	0	0
1667	41	19	10	0	1	0	0	0
1668	92	41	10	2	13	0	3	0
1669	152	63	17	3	14	0	5	0
1670	113	26	8	0	19	0	6	0
1671	151	36	8	2	19	2	9	0
1672	21	8	2	0	1	0	0	0
1673	51	7	0	0	4	0	0	0
1674	156	25	5	1	19	1	7	0
1675	33	8	0	0	72	9	25	1
1676	86	12	1	0	86	11	29	0
1677	131	38	12	2	76	2	25	1
1678	61	17	10	3	44	2	22	1
1679	131	22	9	5	34	5	23	1
1680	180	32	14	10	30	3	22	1
1681	147	49	20	16	31	20	32	1
1682	228	78	20	25	70	3	46	6
1683	234	50	42	21	90	5	50	1
1684	186	72	35	18	48	4	29	0
1685	207	34	31	23	73	0	35	0
1686	248	16	43	13	77	1	43	0
1687	248	20	60	16	70	2	49	0
1688	206	10	56	46	85	1	43	0
1689	159	34	16	17	67	2	24	0
1690	111	39	32	29	36	0	20	0
1691	120	40	26	19	53	0	25	1
1692	106	42	26	24	55	0	26	0
1693	173	57	31	31	51	0	29	0
1694	204	36	16	19	41	0	27	0
1695	160	30	49	10	39	1	26	0
1696	77	1	25	19	43	0	23	0
1697	104	2	30	15	32	1	10	0
1698	189	3	51	23	44	0	27	0
1699	204	5	80	33	80	0	47	4
1700	16	12	72	49	3	3	69	1

Вероятно, Ньюен хорошо зарабатывал на постоянно растущем транзите русских товаров. Но он не был только проходным портом. Местное купечество, хоть и небогатое, пыталось торговать с русскими. Проезжая, русские оставляли в Ньюене небольшие партии товаров, которые местные граждане перепродавали как в Ингерманландию, Карелию и Кякисальми, так и западноевропейцам – купцам из Нидерландов, Англии и другим. В Ньюене в распоряжение русских купцов были переданы магазины. Ньюенские купцы могли оказывать посреднические услуги, благодаря интересу русских к товарам из Западной Европы. Большинство товаров русские могли торговать с западноевропейцами напрямую, но, например, торговля солью, сельдью, вином, табаком и зерном предполагала посредничество местных купцов.¹⁰⁸ Зерно ньюенцы скупали, в основном, в Ингерманландии и Карелии, но его перевозили контрабандой и через российскую границу. Хотя по части экспорта зерна Ньюен уступал Риге, Таллинну и Нарве, он, по данным А. Соома, все же действовал регулярно.¹⁰⁹

Многие предприимчивые жители Ньюена совершали торговые поездки в Россию, в основном, в Тихвин, Ладогу и др. города северо-востока.¹¹⁰ В свои торговые районы в России они переправляли пришедшие с запада товары. Таллинцы, как правило, торговавшие с Россией через Нарву, часто пользовались и невским водным путем. В 1672–1673 гг. у жителей Ньюена даже возник конфликт с таллинцами, когда последние сочли, что имеют право без ограничений поставлять соль и сельдь в торговые уголья Ньюена. Купечество и Рат Ньюена придерживались противоположного мнения: таллин-

цы могут продавать соль и сельдь только на местном рынке, а право перепродавать эти товары в Ингерманландии и России имеют только местные.¹¹¹ Возникновение подобной торгово-правовой проблемы четко указывает на усиление экономических позиций ньюенского купечества.

Долгий мирный период перед Северной войной всячески способствовал предпринимательству ньюенского купечества. Одним из примеров такового является создание в последние десятилетия XVII века собственного торгового флота. Появление торгового флота предполагало переориентацию местного купечества с пассивной посреднической деятельности на активное предпринимательство. Ньюенские суда в состоянии были пройти до портов Западной Европы. Это явление было характерно и для других морских городов Швеции, в т.ч. и соседних Нарвы и Таллинна, но приобретение, т.е. покупка и строительство судов предполагало наличие необходимого оборотного капитала. Шведское государство покровительствовало строительству и приобретению судов морскими городами уже с середины 1640-х гг., когда для шведских судов были снижены ставки портовых таможенных сборов.¹¹² К тому же, после заключения 13 августа 1645 г. Бремсебрусского мира между Швецией и Данией, корабли шведских подданных могли проходить Эресунд, не платя там таможенных сборов.¹¹³ Таможенные льготы в портах и освобождение от сборов в Эресунде значительно способствовали возникновению в шведских приморских городах торговых флотов. При помощи купеческих кораблей центральные власти надеялись сломить конкуренцию Нидерландов, Англии и других морских держав

¹⁰⁸ Те же принципы действовали и в Таллинне и Нарве. См. E. Küng. *Rootsi majanduspoliitika*, lk. 212 итд.

¹⁰⁹ A. Soom. *Der baltische Getreidehandel*, s. 281.

¹¹⁰ Э. Д. Рухманова. *Русско-шведская торговля*, с. 159.

¹¹¹ Таллинский городской архив (Tallinna Linnaarhiiv = TLA), 230-1-B.C:22, л. 18-26р; 230-1-Bh:63. Аналогичный спор, известный в деталях, возник у русских купцов в 1660-е гг. с Нарвой. Подр.: E. Küng. *Narva ja Tallinna vastuolud soola- ning heeringakaubanduses 17. sajandi teisel poolel*. – *Eesti Ajalooarhiivi Toimetised* 1 (8), (Artiklite kogumik Eesti Ajalooarhiivi 75. aastapäevaks). Tartu, 1996, lk. 183–215).

¹¹² B. Fahlborg. *Ett blad ur den svenska handelsflottans historia. (1660–1675)*. – *Historisk tidskrift (svensk)*, 43, (1923), s. 211.

¹¹³ T. Hvidegaard. *Øresundstolden på Christian 4.'s tid. Sundtoldens betydning 1613–1645 for forholdet mellem Danmark, Sverige og Nederlandene*. – *Fortid og Nutid*, september 2000, s. 216–217.

в Балтийском море, а также взять под свой контроль торговлю между Востоком и Западом. Торговый флот играл также важную военно-политическую роль.

Хотя данные Нюену королевские привилегии и резолюции неоднократно упоминали вопрос приобретения судов, первое конкретное сообщение о судне нюенцев относится к 2 марта 1667 г., когда в Стокгольме был зарегистрирован общий 80-грузный корабль купцов Нарвы и Нюена «Den unge Printzen». Владельцами судна были нарвский ратман Юрген Тундер и нюенский ратман Фридрих Вильгельм Ладо, хотя владельцем было наверняка больше, на что указывает прибавленное к двум названным именам «etc». По словам владельцев, они купили судно у одного англичанина. Шкипером судна был гражданин Нюена Роберт Тейлор, имя которого указывает на его английское происхождение.¹¹⁴ Судно получило в шведских портовых городах так называемую полную свободу (*helfrihet*), что сулило снижение таможенных сборов на 1/3. Это значит, что судно должно было быть настолько велико, чтобы, в соответствии с нормами 1661 г., брать на борт 24 пушки.¹¹⁵ Для сравнения укажем, что Таллинн в период с 1668 по 1670 гг. регистрировал в Стокгольме два полностью сво-

бодных и пять наполовину свободных судов, Пярну – три и Курессааре – два полностью свободных судна.¹¹⁶

Если судно «Den unge Printzen» можно считать случайным явлением в торговой деятельности нюенцев, то в конце 1680-х годов начался настоящий бум приобретения кораблей. Толчок к приобретению судов как к созданию делового предприятия нюенцы, как и купцы других морских городов, получили извне, это было напрямую связано с изменениями торговой конъюнктуры Западной Европы.¹¹⁷ Как известно, в 1689 г. Англия и Нидерланды вступили в войну с Францией. Эта война морских держав давала нейтральным государствам огромные экономические преимущества, поскольку Западная Европа нуждалась в товарах стран Балтийского моря. Нидерландцы и другие западные купцы не могли идти в Балтийское море. Зато значение шведских торговых городов в перевозке товаров возросло. В первую очередь Европа испытывала потребность в кораблестроительных материалах и железных изделиях из Швеции, но, вдобавок к войне, Европу поразил и неурожай. В 1697 г. благодаря Рисвикскому миру наступила небольшая передышка, но уже в 1702 г. вспыхнула война за испанское наследство.¹¹⁸ Однако последний

¹¹⁴ RA, Kommerskollegium, huvudarkivet, registratur, B. I. a, vol. 6 (1667), 10 (1671); Kammararkivet, handel och sjöfart (sjöfartsregister), vol. 3.

¹¹⁵ В 1661 г. Для получения полной свободы количество пушек на корабле увеличили с 14 до 24: Fahlborg, Ett blad, s. 216.

¹¹⁶ RA, Kommerskollegium, huvudarkivet, registratur, B. I. a, vol. 10 (1671); Kammararkivet, handel och sjöfart (sjöfartsregister), vol. 3.

¹¹⁷ Например, по оценке О. Лийва, у граждан Таллинна около 1680 г. было, примерно, 30 торговых кораблей, в 1696 г. – 21, в дальнейшем это число еще уменьшилось. По его мнению, в конце XVII века нарвский торговый флот был больше Таллинского (Otto Liiv. Tallinna ajalugu Rootsi aja teisel poolel. – Eesti Ajalooarhiivi Toimetised 1 (8), [Artiklite kogumik Eesti Ajalooarhiivi 75. aastapäevaks]. Tartu, 1996, lk. 30). Х. Пийримяэ, опираясь на морские паспорта, выданные нарвской ратушей городским судам, выявил 36 различных судов, ходивших под флагом Нарвы (H. Piirimäe. Laevandus ja laevaehitus Narvas XVII sajandi lõpul. – Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Vihik 785. Uurimusi Läänemere maade ajaloost, IV, Tartu, 1987, lk. 3–25.). Автор настоящей статьи на основании материалов Эстонского исторического архива, Шведского государственного архива, Государственного исторического архива Латвии и Государственного архива Дании, увеличил число известных нарвских судов, примерно, до 80 (E. Küng. Rootsi merepoliitika ja Narva kaubalaevad 17. sajandi teisel poolel. – Eesti Mere muuseumi Toimetised 4, Tallinn, 2004, lk. 19–31). В Риге, шведском морском городе с самым большим товарооборотом, по оценке В. Дорошенко, в последней четверти XVII века было примерно 30–40 судов. Из них в так называемой заморской торговле участвовало не более дюжины: В. В. Дорошенко. Рост Рижской морской торговли в XVII–XVIII вв. – Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1981, 1 (402), с. 58, сноска № 24; В. В. Дорошенко. Торговля и купечество Риги в XVII веке. Riga, 1985, с. 119.

¹¹⁸ I. Wallerstein. Das moderne Weltsystem II. – Der Merkantilismus. Europa zwischen 1600 und 1750. Wien, 1998 s. 112–113, 283–291.

взлет конъюнктуры уже не оказал влияния на торговлю городов Финского залива, т.к. в 1700 г. началась Северная война.

Не желая представлять все корабли, ходившие, так сказать, под флагом Ньюена, приведем здесь лишь несколько примеров. Одним из первых ньюенских кораблей, о получении морского паспорта на который в Королевской коммерц-коллегии ходатайствовали местные купцы Ханс Пеледес и Хиндрих Луур, был 50-грузный сосновый шкот (*skuta*) «Jägagen». Шкипером корабля был совладелец гражданин Бьоркё Монс Олофссон.¹¹⁹ В 1690-е гг. кораблей у граждан Ньюена значительно прибавляется, растет и их грузоподъемность. Насколько известно, крупнейшим судном Ньюена был 250-грузный «Carolus XI».¹²⁰ По мнению прежних исследователей, в конце XVII века под флагом Ньюена ходило примерно 30–40 кораблей,¹²¹ но это, вероятно, все же завышенная цифра. Как уже было сказано, эти суда заходили и в Эрезунд. Согласно тамошнему таможенному учету, в 1691–1704 гг. из Балтийского в Северное море и обратно проходило в год два-три, иногда даже до десяти судов из Ньюена.¹²² Целью путешествия, в основном, был Амстердам, грузом – лесоматериалы из России, Ингерманландии и Карелии, изделия из него – от кораблестроительной древесины до смолы, дегтя и поташа.¹²³

Одновременно с приобретением кораблей набирала силу и деятельность мануфактур. Создавались судостроительные верфи, канатные предприятия, шились паруса. Как в случае с судами, так и с мануфактурами

– часто кооперировались с соседями, в первую очередь с Нарвой. Во всех этих предприятиях следует иметь в виду большое участие зарубежного капитала, что, в свою очередь, демонстрирует интерес, например, амстердамских купцов к экономическим возможностям далекого приграничного городка.

Ньюен, несомненно, быстро превращался в торговый город, но проходящие через него товарные потоки не сравнимы с соседними Таллинном и Нарвой, не говоря уже о Риге, ориентированной на обширный русский, белорусский и литовский рынок. Для сравнения товарооборота этих четырех городов можно воспользоваться данными Х. Пийримяэ о собранных государством лицензионных сборах.

Таблица 4: Лицензионные сборы в Риге, Таллинне, Нарве и Ньюене (в риксталерах).¹²⁴

Год	Рига	Таллинн	Нарва	Ньюен
1686	125 253	17 262	11 246	6 665
1689	92 812	22 542	9 855	7 266
1690	92 034	23 058	10 280	—
1692	103 327	22 851	12 490	8 066
1703	73 937	9 911	—	841

Заключение

В отличие от соседних городов, Ньюен был новым городом, не имевшим исторических привилегий и прав, с чем приходилось считаться шведским властям. Город был соз-

¹¹⁹ RA, Kommerskollegium, huvudarkivet, registratur, B. I. a, vol. 28 (1689).

¹²⁰ RA, Kommerskollegium, huvudarkivet, koncept till sjöpass, B. II. b, vol. 6 (1695–1704).

¹²¹ Э. Д. Рухманова. Русско-шведская торговля, с. 161.

¹²² Государственный архив (Копенгаген) = Riksarkivet København, Øresunds Toldkammers Arkiv, Sundtoldregnskaber. В действительности в таможенном пункте Эрезунда и в 1703-м, и в 1704 гг. регистрировались суда под флагом Ньюена, но они уже не шли из Ньюена и не возвращались туда, а ходили, например, между Амстердамом и Выборгом.

¹²³ A. Soom. Der ostbaltische Holzhandel und die Holzindustrie im 17. Jahrhundert. – Hansische Geschichtsblätter, 79. Jh., 1961, s. 94–95.

¹²⁴ Х. Пийримяэ. Тенденция развития и объем торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке. – Скандинавский сборник, VIII, Таллинн, 1964, с. 109. В случае представленной таблицы следует учитывать, что в Риге ставка лицензии была выше, чем в Таллинне, Нарве и Ньюене. Если в последних лицензионный сбор и портовый составляли по 1% от стоимости товара, то в Риге, по данным А. Соома, лицензия и портовый составляли в общей сложности 6–7% от стоимости товара: A. Soom. Die Politik Schwedens, s. 145–147.

дан по инициативе государства. В первую очередь это был экономический эксперимент центральных властей, целью которого было вернуть российскую внешнюю торговлю из Архангельска в Балтийское море. Предпосылкой для выполнения этой политико-экономической программы государства у Нюена было чрезвычайно выгодное местоположение в исходном пункте внутренних водных путей России, несмотря на удаленность города от ведущих морских городов Западной Европы и труднодоступность со стороны Балтийского моря. Посредническую роль шведских торговых городов на берегах Финского залива обеспечивали Столбовский и Кардисский мирные договоры. Не следует забывать и о второй масштабной государственной программе Густава II Адольфа, направленной на колонизацию Ингерманландии, ее шведификации и унификации со шведским государством. Короткое время Нюен выполнял административные задачи столицы провинции. Кроме того, город располагался в стратегически чрезвычайно важном для Швеции месте; Нюен был словно замок для России, препятствовавший непосредственному выходу последней к Балтийскому морю.

В первые десятилетия своего существования Нюен был перевалочным пунктом в прямой российской торговле со Стокгольмом. Экспорт в Западную Европу был незначителен. Доля последнего постепенно увеличивалась во второй половине века. Хотя товарооборот Нюена не сравним с Нарвой, многие торгово-политические процессы в двух городах были схожи. Например, когда для русских закрывался путь через Северный Ледовитый океан, товары шли по Балтийскому морю. Так было и в начале 1650-х, и позже. Это сказалось на обоих городах. Нюен реагировал сходным с Нарвой образом и на изменение конъюнктуры в Западной Европе в последние десятилетия XVII века, когда в оба портовых города стало приходить все больше кораблей из Нидерландов и Англии. Единственным серьезным различием была посредническая роль Нюена в торговле между северо-востоком России и Стокгольмом. При этом следует признать, что Нюен быстро развивался. Если еще в начале 1640-х г.

иностранцы игнорировали местных купцов, обходя их при заключении сделок, то ко второй половине века Нюен стал городом с регулируемой торговлей, в котором приходилось считаться с местным порядком рыночной торговли.

Однако, если задаться вопросом, способствовал ли торговый город Нюен выполнению шведской экономической программы по возвращению российской торговли из Архангельска к берегам Балтийского моря, то ответ будет скорее отрицательным. Создание нового города не внесло существенных изменений в шведско-российские торговые отношения. То, что через Нюен шла торговля России со Стокгольмом, было неизбежно, т.к. это был единственно возможный торговый путь. Однако отношения больших российских областей с западноевропейцами по-прежнему шли преимущественно через Архангельск. Всероссийским внешнеторговым портом стал не Нюен, а его «последователь» Петербург.

Энн Кюнг

1963

Доктор исторических наук (2001).

Доцент отделения истории Тартуского университета.

Область исследований: политические и экономические отношения стран Балтийского моря в XVI–XVII веках.

enn.kyng@ra.ee